

И. МАРАЗОВ,

*профессор Нового Болгарского университета,
Болгария*

Д. С. РАЕВСКИЙ. СЛОВО О ДРУГЕ

В 1972 году я впервые прочитал статью Дмитрия Сергеевича, посвященную проблемам скифской мифологии. В это время я работал над кандидатской об «антропоморфном стиле» во фракийской торевтике и с радостным удивлением открыл для себя коллегу, который писал о тех же связях между искусством и идеологией на сходном материале и пользуясь близкой методологией. Я стал следить за его публикациями, все больше убеждаясь в том, что надо бы с этим Раевским лично познакомиться. Несколько лет спустя я отправил ему письмо, но в Институт археологии, а он-то работал в Институте Востоковедения. В 1975 г., прибыв в Москву, я разыскал его телефон и позвонил, на что услышал в ответ, что до него как раз только что дошло это письмо. Мы встретились. С тех пор не переставали общаться – тогда нам было просто выехать в СССР, не то что сейчас в Россию. Я месяцами сидел в библиотеках Москвы и Ленинграда, которые были несравненно богаче наших. А вечерами у него на кухне долго чаевничали и обменивались мнениями о прочитанном. Обсуждали возможности применения теорий Ж. Дюмезиля и Леви-Стросса, спорили, насколько допустимо вписывать «наших варваров» в контекст индоевропейской мифологии. В это время сам Дюмезиль высказался по поводу интерпретации скифского этногонического мифа, предложенной Раевским, а мы были не согласны с его критикой. Вопросов было море, и часто засиживались до глубокой ночи. Для меня Дима стал лучшим другом, с которым можно было обсуждать не только научные, но и любые другие проблемы. А их и тогда было немало.

Благодаря Раевскому я познакомился и подружился с широким кругом его друзей, среди которых В. Петрухин, Э. Грантовский, Г. Бонгард-Левин, Я. Шер, Л. Лелеков, М. Погребова, В. Ковалевская, Е. Переводчикова, В. Ардзинба, А. Седов и многие другие коллеги. Мы проводили много вечеров в его квартире на Таганке, где стеллажи книг и картины (его мамы)

покрывали стены, а на столе появлялись знаменитые «маринованные грибы Раевских», которые были прекрасной закуской. У него была собака Смоя. На высокой полке в прихожей стояла пустая бутылка из под водки «Горбачев». Дима жаловался: «Смоя, Горбачев водку запретил», и пес вскидывал голову и отчаянно лаял на бутылку. На квартире Раевского, где неоднократно останавливался, я чувствовал себя как дома. Надеюсь, что и он не стеснялся, когда гостил у меня в Софии. Мои друзья тоже окружали его искренним вниманием, благо в то время все свободно общались на русском, а авторитет Раевского рос с каждым годом.

Впервые Дмитрий Сергеевич приехал ко мне в 1986 г. Тогда у нас ежегодно проходили международные конференции по истории и культуре древней Фракии. Раевский был приглашен в качестве почетного гостя. Как раз в тот же год вышла его книга «Скифская мифология», которую он написал специально для издательства «Болгарский художник». В те времена у нас хорошо оплачивали публикации, и Дима получил приличный гонорар. Конечно, достойно отметили. А потом поехали в Пловдив на конференцию. Помню, как его встречали наши ученые – он оказался в центре всеобщего внимания, что его радовало, но было видно, что он, непривыкший к этой роли, чувствовал себя, как говорится, не в своей тарелке. В восьмидесятых Раевский был наиболее цитируемым советским автором среди болгарских фракологов. И когда в 2001 г. мы с Володей Петрухиным и Машей Погребовой решили собрать сборник статей и посвятить его юбилею Дмитрия Сергеевича, откликнулось много выдающихся исследователей из СССР и Болгарии. Были, конечно, и любопытные случаи. Пребывая вместе с одним из болгарских коллег в Москве, я свозил его в гости к Раевскому, и он заразился мифологией, хотя никогда раньше не занимался этими вопросами. По возвращении он вдруг огласил, что пишет статью на такую тему. Я поинтересовался, как же это ему удастся, и ответ был ошеломляющим: «Взял немножко из твоих работ, позаимствовал немножко у Димы, и получилось». «Раевский вошел в моду», – подтрунивали над другом с Петрухиным. Дима в долгу не оставался – у него было тонкое чувство юмора, которое он проявлял как в отношении друзей, так и, в первую очередь, к самому себе. Рассказывал, например, как при входе в метро хотел показать проездной, но дежурный только махнул рукой – «Проходи, дедушка». В Софии, у Национальной библиотеки стоит памятник Кириллу и Мефодию. Я отщелкал бородатых Раевского и Петрухина на фоне этого монумента, и с тех пор они стали называться «славянскими братьями». Правда, кто из них кто, так и не выяснили.

Дмитрий Сергеевич приезжал в Софию еще пару раз – в 1988 и 1998 году. Я получил грант в Научном фонде Министерства образования на

совместную разработку проекта «Культурная типология варварских обществ». Денег хватило на самолетные билеты Раевскому и Петрухину. С ними приехал и Яша Шер. Все устроились у меня и в течение двадцати дней упорно работали. Книгу мы сконструировали по темам и почти полностью написали. Раевский, разложившись на диване, диктовал свои главы, а я писал на компьютере – болгарская клавиатура не соответствует русской, вот и Раевский изживал себя как начальник, подтрунивали мы над ним. По вечерам сидели за столом, тихо выпивали и громко разговаривали. Иногда к нам примыкал Александр Фол, создатель Института фракологии, который очень высоко ценил Раевского. Однажды пришел молодой американец Брус МакКлеланд, собиравший материал для своей диссертации по славянским вампирам. Мы тут же сообразили шутку: «Брус, который не Линкольн (имелся в виду всеми нами уважаемый чикагский профессор Брус Линкольн), Владимир Яковлевич (Петрухин), который не Пропп, и Дмитрий Сергеевич, который не Лихачев». Несколько лет спустя Линкольн гостил с лекциями у меня в Новом болгарском университете, и мы с ним тесно подружились. Я рассказывал Брусу, как мы в Москве читали и обсуждали его статьи, и показывал, как часто его цитировали. Он получил и экземпляр книги Раевского, которую мы перевели и издали и на английском. Линкольн отметил методологическую четкость и глубину интерпретаций Раевского. А вот, к сожалению, «Культурная типология» так и не увидела света, хотя, по-моему, она и до сих пор актуальна.

Дмитрий Сергеевич был теплым и отзывчивым человеком. Несколько романтический, мягкий, даже робкий в общении с людьми, но суровый в соблюдении своих моральных и научных принципов. Он обладал особым полемическим даром. Вспоминаю, с каким жаром он защищал свою «квадратную Скифию» на конференции в Ленинграде. Дмитрий Сергеевич выступал с докладами и в дискуссиях на семинаре «Мифология, искусство, фольклор» (МИФ), который я в середине восьмидесятых проводил в Институте искусствоведения при Болгарской академии наук. На замечание одного нашего археолога о том, что, мол, архаическому мастеру не хватило места на сосуде для какого-то изображения, Дима находчиво ответил, что это у члена Союза художников может не хватить места, а архаический художник любую деталь и особенность композиции наделяет смыслом.

Нам обоим на первых порах было трудно защищать свои методологические позиции. И структуралистов, и Дюмезиля не очень то жаловали, хотя мало кто из оппонентов были знакомы с их трудами. Подходы сравнительной индоевропейской мифологии, к которым мы прибегали, поскольку и скифы, и фракийцы были бесписьменными народами, кое-кому казались необоснованными и неприемлемыми. В закономерности мифологического

мышления мало кто верил. А семиотическая интерпретация изображений на вещах в качестве изобразительных текстов ставила многих в тупик – затруднительно было воспринять искусство как один из языков культуры. Как не пытались объяснять стадиальную разницу в мировосприятии архаических варваров и философствующих уже греков, до многих она не доходила – ведь и те, и другие, мол, жили в одно и то же время. Мне то было легче – я всегда мог сослаться на авторитет «советского автора Раевского». Это срабатывало.

Труды Раевского являются блестящим примером реконструкции идеологической картины мира варварской культуры и выявления внутренних механизмов ее функционирования. Из разрозненных артефактов, из скудных и фрагментированных письменных источников он умело и убедительно выстроил систему мировоззрения скифов. Раевский преодолел распространенный до тех пор в науке «бытовой» взгляд на сцены, представленные на драгоценных предметах, и истолковал их как сюжеты царской идеологии. Вещи и изображения заговорили «по-скифски». К выходу монографии «Модель мира скифской культуры» полемические страсти уже улеглись, и методология Раевского постепенно стала привлекать исследователей, и в некоторых работах его подход иногда банализировался. Дима, бывало, говорил: «Иван, зря это мы открыли эти ворота. Сейчас все, кому не лень, с легкостью прочитывают любой изобразительный текст». Работы Раевского девяностых и нулевых годов убедительно показывают, что механизмы мифологического мышления, нашедшие отражение в варварском искусстве, гораздо более глубокие и сложные, чем это кажется такого рода авторам. Он последовательно подходил к реконструкции поэтики скифского (а в более широком смысле и всего варварского) искусства. Сравнивая языки эпоса и звериного стиля, он прокладывал новый путь к трактовке образов животных. «Визуальный фольклор» постепенно, но четко вырисовывался. К сожалению, ранняя кончина не позволила ему полностью завершить этот проект. Но основные тезисы в этих работах предоставляют возможность подойти к важным выводам. Эти последние публикации мало кому известны в Болгарии – русские книги трудно приходят в наши дни в Болгарию. А было время, когда я вез дефицитную переводную научную литературу, изданную в СССР, из Софии в Москву. Что еще меня тревожит: наше молодое поколение уже не читает по-русски. Огромная литература на русском языке в библиотеках все больше превращается в мертвый груз. В библиографических справках к научным трудам все реже появляются имена русских авторов. В результате перемен выстроилась новая стена между нашими культурами. Но ведь и берлинская стена в конце концов рухнула?

В моем понимании Дмитрий Сергеевич являлся образцом русского интеллигента: скромного, вежливого, полностью приверженного своему делу. На его примере мне становилось ясно, почему, несмотря на трудные условия быта, на репрессии, русская наука и культура, тем не менее, развивались. Для таких людей работа была убежищем от действительности, они отдавали ей все силы и эмоции, уходили с головой в нее. Живя незаметно, они добивались впечатляющих результатов. Позже, в годы перестройки, я выписывал все советские журналы и газеты, с жадностью поглощал произведения неизвестных мне авторов и обсуждал их с Димой. Я видел, как трудно жилось моим друзьям в это время. И у нас перемены происходили со скрипом, вызывали острые противостояния – вчерашние коллеги и друзья часто становились идеологическими врагами. В конце концов оказалось, что затянувшийся «переход» имел основной целью превращение государственного блага в частную собственность. Это происходило на моих глазах, и мы с Раевским расходились в оценке результата перемен. Я пребывал в разочаровании и скепсисе, зато он был неисправимым идеалистом и романтиком. Конечно, он был среди тех, кто собрались у Белого дома, – меня это тревожило, и я звонил ему каждый вечер. Когда в очередной раз был в Москве, он повел меня к дому, в котором жил Сахаров, чтобы поклониться памяти великого ученого и гражданина.

В своей работе мне постоянно приходится обращаться к трудам Раевского. В них всегда можно найти подсказку, куда дальше идти, сослаться на идею, которую можно применить и на фракийском материале. Это своего рода продолжение диалога с рано ушедшим другом. И очередной повод для восхищения перед его ясным, склонным к неожиданным ассоциациям умом. Уверен, что нашей науке еще предстоит должным образом снова оценить вклад Раевского. Ведь он из тех исследователей, которые открывают новые дороги для осмысления древней культуры.